

Натиг Расулзаде

Мгновение

Натиг Расулзаде

Мгновение

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Мистический рассказ о том, что иной раз в одно краткое мгновение может уместиться много страшного, жуткого, чему нет объяснения в реальном мире.

Натиг Расулзаде

Мгновение

В пятницу, когда он ждал на кухне, пока вскипит молоко, чтобы подавить приступ сухого кашля, он впервые обнаружил, что громко разговаривает сам с собой.

– Не смей называть мою работу дерьмом! Сам ты дерьмо, чертов взяточник! И ничего не умеешь, кроме как брать взятки!.. – вдруг крикнул он, обращаясь к кухонной стене с отлипшими квадратами кафеля и размахивая руками.

Он настороженно замолчал, прислушиваясь к звенящей после его крика тишине, пытаясь осмыслить, что происходит, торопливо вышел в прихожую и посмотрел в зеркало, будто ожидая каких-то изменений во внешности, потом вдруг запаниковал, засуетился, словно внезапно обнаружил в себе таинственную болезнь, выключил огонь под миской с молоком, не понимая, что делает, выплеснул молоко в раковину...

...и стал быстро одеваться, чтобы выйти из дома. Он знал, что в данную минуту ему необходимо двигаться, ходить, спешить, хоть и некуда было, поскорее уйти из дома, оставаться дома почему-то казалось невозможным и страшным. Когда он выходил из квартиры, он заставил себя сосредоточиться и зафиксировать мысль на том, что вот сейчас он запирает входную дверь ключом, запирает на два оборота, заставил

себя запомнить приятный хруст ключа в замке двери, чтобы потом не сомневаться и не возвращаться проверять – запер ли? – что с ним неоднократно случалось.

Он шагал по улице, как обычно торопливо, чтобы никто – особенно из знакомых – не заподозрил, что он гуляет бесцельно. Гулять бесцельно почему-то казалось ему неприличным, занятием достойным только бездельников. А выглядеть бездельником ему не хотелось, потому что он и был бездельником, по крайней мере, таковым считал себя в душе, особенно когда наступала временная пауза в работе. А паузы в последнее время наступали все чаще. Людям свойственно тайно презирать себя за черты им присущие, потому что они в первую очередь видят только отрицательные стороны таких черт характера, мешающие в быту, тормозящие дела, связывающие руки; но, тем не менее, они стараются выпячивать одни только позитивные стороны тех же самых черт, находят, чем гордиться перед себе подобными.

Он любил посидеть на скамейке в стареньком городском сквере с фонтанами, слушать приглушенный плеск воды, думать под этот успокаивающий шум, но сидеть на скамейке ему тоже казалось стариковским делом, хотя сам он был уже далеко не молод. И если он и присаживался в излюбленном уголке сквера, то не более чем на пять-десять минут, когда мысли стремительно пролетали в голове и ухватить их было нелегким делом. Все-таки, потом, вспоминая и восстанавливая обрывки мыслей, из тех, что приходили в голову, он

старался извлечь из их хаотичности нечто, что можно было бы облечь в гармоничные формы, старался использовать молниеносные тени мыслей и, как ни странно, порой получалось. «Думать – моя профессия», – любил говорить он, но практически использовать эту профессию так и не научился за те долгие годы, что занимался ею. Видимо, никому его мысли не были нужны.

Он дошел до сквера, подошел к скамейке, где обычно сидел и обнаружил, что на его скамейке сидит девушка с наушниками в ушах... Что ж, он присел рядом с девушкой, которая, естественно, не обратила на него никакого внимания. Может, потому что было ей не больше двадцати, а ему не меньше шестидесяти. Все-таки он присел и искоса глянул на нее. Не станем её описывать: то, что ей было не больше двадцати, уже само за себя говорит. То есть, именно ему говорит, не нам. Ему все девушки такого возраста казались красивыми, как минимум – симпатичными и желанными. Хотелось влюбиться. О, как хотелось влюбиться, вновь почувствовать себя молодым, почувствовать свою жизнь наполненной до краев любовью, ради чего и должен жить человек; хотелось увидеть рядом с собой юную, наивную, свежую, прекрасную, глядящую снисходительно на его опыт и заполняющую хохочущей, грохочущей, болтливой юностью все существо его; как хотелось, чтобы тяжелые камни, уродливые наросты в душе его, приобретенные с годами и застывшие, подобно лаве, сжимавшие все сильнее бедную ду-

шу его, все больше беднее с годами, сжимавшие больное сердце его, растворились, распались, превратились в пыль и прах от этого обжигающе пронзительного чувства наполненности жизни, чего давно он не испытывал, проживая отпущенное ему время, как проживают многие его сверстники, сдавшиеся подступающей старости и не желавшие возродиться для настоящей жизни; хотелось стряхнуть с души все неважное, маловажное, без чего нельзя обойтись в быту, но что не замечаешь вокруг себя, если ты разбужен любовью...

Хотелось влюбиться. И уже давно. Конкретно – последние четыре года. И когда он сел рядом с этой девушкой, давнее желание, которому в этом году исполнялось уже четыре года, жалостно запищало, придавленное, как обычно, неприятными и тяжеловесными бытовыми проблемами. «Заговори с ней, – пищало и умоляло желание влюбиться, – а вдруг...».

– Как же с ней говорить, если у неё заткнуты уши?! – сказал он, нервно жестикулируя.

Девушка обернулась к нему, глянула искоса и тут же снова вперила застывший взгляд в фонтан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.